

15.12.2000

Франсуа Озон:

Известия - 2000 - 15 дек. - с. 12

Стать таким как Бессон? Нет уж, увольте!

Франсуа Озон — самый модный и скандальный из европейских кинодеятелей. Еще несколько лет назад он снимал короткометражки и агиткино для президентской кампании социалиста Жоспена. После «Крысятника», наделавшего шуму в Каннах, прославился, ходит в белом пиджаке и ругает фон Триера. Когда пишут про фильмы Озона, обязательно перечисляют все фигурирующие в них сексуальные извращения. Притом фильмы эти — сама невинность не только по форме (все извращения на словах, а видеоряд — целомудренней, чем у Диснея), но и по содержанию. Озон — представитель новой формации радикалов-морализаторов. В Москве он второй раз — минувшим летом привозил ретроспективу, а на прошлой неделе в рамках фестиваля французского кино представил свой четвертый, совсем свежий фильм «Под песком», который выйдет в широкий российский кинопрокат в начале будущего года. Накануне премьеры в «Пушкинском» с Франсуа Озоном побеседовал корреспондент «Известий» Роман ВОЛОБУЕВ.

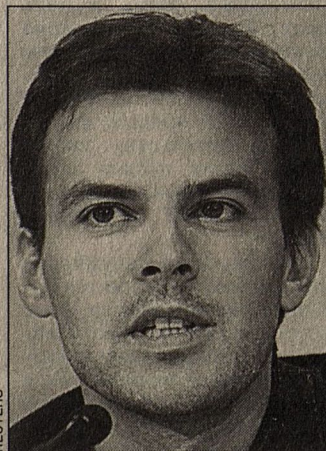
— Вас называют революционером. Вы сами считаете себя таковым?

— Революционером в марксистском смысле слова?

— Не обязательно. Революционер — это тот, кто недоволен существующим обществом.

— Даже не знаю, пока меня все более или менее устраивает. Но даже если б не устраивало... Я ведь не занимаюсь политикой и не снимаю политических фильмов. Другое дело, что довольно часто получается так, что мои фильмы уже задним числом начинают использоваться в каких-то политических целях. Вот, скажем, мой первый пол-

нометражный фильм «Летнее платье» — это ведь было сугубо психологическое кино про любовь, там речь шла о человеческих эмоциях, о тонкостях взаимоотношений между людьми, и какой-либо социальный или, упаси Господь, политический подтекст там вообще отсутствовал. Но когда фильм вышел, его почти сразу взяли в оборот и по сей день используют в качестве символа для самых разных нужд, начиная с борьбы за равноправие сексменьшинств и заканчивая кампаниями против СПИДа и рекламой презервативов. Но я за это ответственности не нес.

REUTERS

— Вы как-то сказали, что снимаете аморальные фильмы с целью изменить взгляды и сознание людей. В какую сторону вы хотите их изменить?

— Я хочу, чтобы после моих фильмов люди переставали смотреть на жизнь и искусство в таком черно-белом варианте: вот тут плохие — тут хорошие, как в американском кино. Это такой типично голливудский подход, такое американское манихейство, если хотите, которому по мере возможностей надо противостоять.

— Сейчас кино двигают киномены: люди, выросшие в ви-

деосалонах, дорвались до камер — и кинематограф становится на сто процентов цитатным, ненастоящим, все взято из других фильмов. Вы, конечно, сами из этих... Но вам не кажется, что это опасная тенденция?

— И в России это тоже началось? На самом деле это вполне естественный процесс, и дело тут вовсе не в синефилах. Раньше были гиганты — Годар, Бергман, Ренуар. Они работали, что называется, с нуля: на пустом месте формировали киноязык, систему образов, которая и досталась нам всем в наследство. У следующего поколения несколько другая задача: осмыслить, переработать созданное предшественниками. А это ведь совершенно неопишущий, громадный художественный массив — кто-то, ощутив его тяжесть, ломается, а кто-то (например, я) говорит: «Ух ты, а я могу кое-что со всем этим сделать». Такой подход и называется постмодернизмом. Стало быть, я постмодернист.

— При этом ваши фильмы выглядят так, как будто их сняли в начале 80-х. Вы принципиально против разных технических новшеств и «прогрессивного» монтажа?

— Если честно, то да, я сторонюсь всего этого вполне со-

знательно. Мне нравится считать себя представителем традиционной школы. В этом плане я верный последователь Годара, который говорил, что «сны надо снимать как явь, а явь — как сны». Так же и провокационное, жесткое кино, каким занимаюсь я, нужно снимать именно в такой старомодной успокоительной манере. Получается такой контраст формы и содержания, от которого зритель проймает куда сильнее, чем от любых самых жутких экранных ужасов.

— Раньше средний бюджет вашего фильма составлял 300 франков. Какие бюджеты у вас теперь?

— Достаточно скромные. Честно. Я ведь на самом деле не слишком популярен во Франции: за ее пределами мои фильмы имеют гораздо больший успех. Так что денег пока не очень много. Впрочем, маленький бюджет, он, знаете ли, накладывает особую ответственность: приходится думать, что снимаешь.

— Вы должны были лететь сюда в одном самолете с Люком Бессоном...

— Да. Только он лететь передумал.

— Но вы могли сидеть с ним на соседних местах. Это очень символично. Бессон ведь тоже

раньше был вроде вас — таким же радикалом и бунтарем. А прошло каких-то десять лет — и человек вот уже снимает сытое буржуазное кино. Как вы думаете, через десять лет с вами не случится того же, что с ним?

— Ну уж нет. Ни в коем случае. Никогда. Искренне надеюсь, что через десять лет у меня будет столько же денег, сколько у Бессона сейчас. Но стать как он, начать снимать как он... Увольте.

— Просто создается впечатление, что, делая очередной фильм, вы заранее просчитываете реакцию критики и зрителей на него. Это разве не так?

— Конечно, нет. Когда я снимаю, я не в состоянии прогнозировать не только реакцию критиков, но даже свои собственные шаги. Скажем, последний фильм — «Под песком» — задумывался как совершенно камерное психологическое кино, возможно, даже короткометражное. А получился полторачасовой триллер, да еще с некоторым коммерческим потенциалом — сейчас все идет к тому, что он станет самым успешным из моих фильмов по части кассовых сборов. Я бы рад угадывать будущее своих фильмов, но не умею. Чего нет, того нет.

Франсуа Озон